

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО
Политические институты, процессы и технологии
POWER, POLITICS, STATE
Political institutions, processes and technologies

Научная статья

УДК: 32.019.51

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-210-224](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-210-224)

Политические науки

Механизмы и стратегии проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс

Николай Михайлович Деремян✉

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

nderemyan@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9626-8557>

Аннотация. В данном исследовании рассматривается комплексный процесс проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс, с выделением конкретных механизмов и стратегий, а также применяющих их структур. Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью информационного пространства и технологий «мягкой силы» в современном геополитическом ландшафте, а также усилением конфронтации между Россией и Западом. В рамках анализа были разработаны концептуальные основы технологий «мягкой силы», выявлены их функциональные взаимосвязи и синергетический потенциал. Эмпирическая база исследования включает материалы российских (RT, Sputnik, ТАСС и др.) и западных (Bloomberg, The Guardian, New York Times) СМИ, официальные документы и интернет-ресурсы. Методологическая основа исследования базируется на применении сравнительно-сопоставительного метода, контент-анализа и дискурс-анализа, что позволило провести многоаспектное исследование механизмов распространения нарративов. В результате исследования были идентифицированы ключевые российские нарративы, их негативное восприятие в западном дискурсе и их влияние на формирование общественного мнения. Также были проанализированы события, способствовавшие активизации распространения российских нарративов в

западной общественной среде. Особое внимание было уделено выявлению «скрытой» сети распространения нарративов и анализу ее ключевых участников. Исследование показало, что эффективность российских нарративов достигается благодаря целенаправленному продвижению через различные платформы, комплексному использованию различных инструментов и активному применению «скрытых» каналов коммуникации. В заключительной части исследования подчеркивается важность инвестиций в технологии «мягкой силы» как стратегического инструмента для достижения внешнеполитических целей России в условиях современной геополитической конкуренции.

Ключевые слова: нарратив, информационное противоборство, медиа, «мягкая сила», Россия, США, Запад

Для цитирования: Деремян Н.М. Механизмы и стратегии проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 210-224, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-210-224](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-210-224)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-210-224](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-210-224)

Political Sciences

Mechanisms and Strategies for the Infiltration of Russian Narratives into Western Public Discourse

Nikolai M. Deremian✉

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

nderemyan@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9626-8557>

Abstract. This study examines the complex process of Russian narratives' infiltration into Western public discourse, highlighting specific mechanisms and strategies, as well as the structures that employ them. The relevance of the study stems from the key role of information space and soft power technologies in the contemporary geopolitical landscape, as well as from the intensifying confrontation between Russia and the West. This analysis develops a conceptual framework for soft power technologies, identifying their functional interrelations and synergistic potential. The empirical base includes materials for the study from Russian media (RT, Sputnik, TASS), Western media (Bloomberg, The Guardian, New York Times), official documents, and online resources. The study's methodological framework utilizes comparative and contrastive methods, content analysis, and discourse analysis, enabling a multifaceted study of the mechanisms of narrative dissemination. The study identified key Russian narratives, their negative perception in Western discourse, and their influence on public opinion. Events that contributed to the increased dissemination of Russian narratives in Western public opinion were also analyzed. Particular attention was paid to identifying the "hidden" network of narrative dissemination and analyzing its key

players. The study found that the effectiveness of Russian narratives is achieved through targeted promotion across various platforms, integrated use of various tools and active use of “covert” communication channels. The final section emphasizes the importance of investing in soft power technologies as a strategic tool for achieving Russia’s foreign policy goals in contemporary geopolitical competition.

Keywords: narrative, information warfare, media, soft power, Russia, USA, West

For citation: Deremian N.M. Mechanisms and Strategies for the Infiltration of Russian Narratives into Western Public Discourse. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2025; 4(18): 210-224. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-210-224](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-210-224)

Введение

Современное информационное пространство, характеризующееся высокой степенью фрагментации и перенасыщением контента, имеет ключевое значение для борьбы за смыслы и интерпретации событий, продвигаемые посредством онлайн-ресурсов. Это пространство представляет собой основу публичного дискурса, открывая возможности для воздействия на сознание людей и вынуждая государства вести конфликты не только в реальном, но и в виртуальном мире. Нарративы, тиражируемые в СМИ и призванные формировать общественное мнение, нередко приводят к поляризации общества и его расколу на множество конфликтующих между собой групп.

Западный публичный дискурс продолжает являться оплотом антироссийской повестки и в рамках стратегий европейских государств, в частности, стран Евросоюза, также закономерно противодействует любым проявлениям нежелательного влияния в целях «противостояния ложным нарративам»¹. Однако после января 2025 г. и инаугурации 47-го президента Соединенных Штатов Дональда Трампа отмечается смена внешнеполитического курса Америки как лидера «коллективного Запада», повлекшая за собой явное и открытое распространение российских нарративов. В данной связи особенно остро встает вопрос о механизмах и стратегиях проникновения таких нарративов в западный публичный дискурс, анализе возможных методов обхода действующих ограничений для более эффективной реализации и достижения целей внешней политики России.

Большинство из существующих методик «мягкой силы» было разработано американскими учеными и специалистами, что говорит о статусе США как родоначальника стратегий по информационному противоборству начиная как минимум с 1920-х гг. Тем не менее происходящие в настоящий момент события стимулируют развитие технологий как по популяризации нарративов в публичном пространстве, так и по противодействию этому. В первом принимают участие различные структуры и институты – от правительственных до негосударственных

¹ Саммит Евросоюза выступил в пользу новых санкций против РФ и усиления информационной войны // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17356171>.

и некоммерческих организаций, что позволяет диверсифицировать каналы распространения информации и усложнить поиск первоначального источника.

В данной статье рассматривается сложный и многоуровневый процесс проникновения нарративов в медиапространство, подразумевающий под собой диверсифицированные инструменты влияния и коммуникационные каналы. Российским нарративам, несмотря на всевозможные ограничения и блокировки, все равно удается получить достаточно широкое распространение в западном публичном поле. Это предполагает использование проработанных стратегий и механизмов для успешного продвижения и формирования положительного образа России в сознании западного обывателя, что определенно является непростой задачей в условиях усиленного противостояния.

Материалы и методы

Концептуальные основы настоящего исследования базируются на работах таких американских ученых, как Дж.Най, У.Липпман и Дж.Шарп [5; 6; 9; 10; 16; 17; 19], их критике [12], а также других работах западных и российских исследователей на темы когнитивной, информационной и гибридной войны [1; 2; 11], политического дискурса в условиях цифровой трансформации [4], конкретных стратегий внедрения [8; 18], в том числе российских нарративов в европейское медиаполе [13–15; 20]. Методология исследования включает в себя сравнительный, нарративный, контент- и дискурс-анализ ведущих западных информационных агентств, а также их сопоставление с российскими медиаресурсами для выявления преобладающих коннотаций – языковых единиц, определяющих эмоциональное значение обозначаемого объекта [7]. Целью данной статьи является определить и с помощью системного подхода структурировать применяемые практики проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс. Актуальность заключается в том, что несмотря на кратковременную «оттепель» в российско-американских отношениях, представляется необходимым зафиксировать рост пророссийских нарративов в публичном медиапространстве и проанализировать существующие механизмы и стратегии проникновения для выделения наиболее адекватных и подходящих.

Политический нарратив понимается как особое повествование, в котором присутствуют определенного рода видение объективной реальности субъектом и его отношение к излагаемым фактам или событиям. Оно не просто содержит связанное описание политических действий, но позволяет понять и оценить их². Более четким определением следует считать стратегический нарратив, сформулированный Л.Розель и др. [18], представляющий собой специальный вид использования нарративов ради легитимизации конфликтов и состоящий из следующих компонентов: герой или акторы, изображаемые как важный элемент

² Нарратив // Новый дипломатический словарь. URL: <https://dipslo.ru/ru/narrativ>.

повествования; обстановка, окружающая среда или пространство; конфликт или действие; резолюция или рекомендуемое решение.

В контексте так называемой «четвертой промышленной революции» [1] и формирования «полицентричного мира» [3, с. 77–84] глобалистские структуры играют ключевую роль в составлении, подготовке и распространении антироссийских нарративов, а также осуществлении контроля и надзора над западными медиаресурсами. Шиловский выделяет различные категории институтов «глубинного государства» (deep state) [11], включенных в регулирование и управление коммуникационными каналами: мировые дискуссионные (аналитические) центры и международные организации, глобалистская агентура в структурах власти, ведущие разведывательные службы, мировые финансовые центры и транснациональные корпорации (ТНК), институты массовой культуры (киноиндустрия, шоу-бизнес) и т.д. Следует заметить, что корректнее будет назвать эти структуры «глубинной властью» (deep power), поскольку большинство из них не являются государственными и, пусть часто и имеют определенные связи с правительствами различных стран, тем не менее представляют собой отдельную категорию организаций и сообществ. В данном исследовании основной упор сделан на разборе теоретического базиса манипуляций общественным сознанием и прицельном изучении публичных медиаагентств, в частности таких ключевых российских площадок, как RT и Sputnik, включая их многочисленные сети по продвижению положительного внешнего образа России.

Результаты исследования

Истоки появления инструментария и технологий «мягкой силы»

Для начала обратимся к самому понятию «мягкая сила», сформулированному его главным популяризатором в лице американского политолога Дж.Най [16; 17] как способность страны добиваться желаемых результатов в мировой политике с помощью убеждения, а не принуждения, а также использования культурных и политических ценностей, воспринимаемых морально допустимыми и легитимными, в целях повышения уровня привлекательности страны и стимулирования других государств следовать за лидером. Несмотря на новый виток интереса к традиционным политикам «жесткой силы», в том числе в России, крайне трудно отрицать растущую важность «мягкой силы» в современном мире и более легкой проницаемости государств по отношению к массовым информационным потокам [6].

В своей теории Най отмечает, что информационная революция ускорила глобализацию и привела к децентрализации власти, позволяя негосударственным субъектам (например, ТНК) принимать участие в глобальных процессах. Он также указывает на крайне высокую скорость темпов развития информационных потоков, за которыми не успевают национальные правительства. Однако многие из этих

проблем предвосхитил У.Липпман еще в начале XX в., описав основные принципы контроля над информацией и ее распространением, буквально заложив основы для дальнейших исследований в этой сфере. На самом деле концепция Най может быть дополнена идеями Липпмана о стереотипах, «псевдосреде», различием между новостями и истиной. Так, псевдосреда, понимаемая как отражение внешнего мира и построение его внутреннего образа, основанного на стереотипах – «картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого» [5]. Как раз в ее рамках и может работать принцип привлекательности и реализовываться «мягкая сила». Стереотипы, содержащие эмоциональные предустановки, позволяют создавать благоприятные условия для убеждения и формирования выгодной для государства картины мира. Более того, четкое разделение между новостями и истиной, а также их функциями, состоящими в сигнализации о случившемся событии и установлении причинно-следственной связи на основе скрытых фактов, можно совместить с нарративными политиками, которые направлены именно на закладывание определенных смыслов в освещение происходящих в мире событий.

Еще одним теоретиком, чье имя плотно связано с коммуникативными практиками и методами ненасильственного воздействия, безусловно, является Дж.Шарп. В своих работах американский ученый сформулировал 198 методов ненасильственной борьбы [9], направленных на смену политического режима и ставших впоследствии настоящим руководством к действию для «цветных революций». Как и Най, Шарп превозносит ненасилие над насилием, указывая на большую эффективность и внешнюю привлекательность первого. Несмотря на то, что все концепции имеют разные первоначальные цели, мы можем проследить тесную связь между ними и составить целую картину инструментов «мягкой силы». Так называемое «политическое джиу-джитсу» Шарпа с его методами ненасильственной борьбы является прямым отражением принципов «мягкой силы», поскольку само по себе опирается в том числе на внешнюю помощь со стороны иностранных правительств и международных организаций [19]. В то же время «мягкая сила» государства заключается в том, чтобы без использования насилия влиять не только на общемировые, но и на внутренние процессы в других государствах, мобилизуя общественность. Теория общественного мнения Липпмана также может быть использована как дополнение к двум вышеуказанным концепциям. Ненасильственные методы могут создавать альтернативные картины реальности в глазах общественности, особенно с помощью СМИ, формируя коллективную «псевдосреду» и подкрепляя единство, уверенность в правильности своих действий. Следует отметить, что Шарп, наряду с Липпманом, подчеркивает важность правдивости информации, однако в данном случае советует избегать преувеличений или небрежности, чтобы не допустить снижения доверия [19].

Таким образом, можно выделить общую «нить», связывающую все три концепции – каждый из авторов признает ограниченность прямого, насильственного подхода к политике и управлению, подчеркивая фундаментальную роль восприятия, контроля и распространения информации (или ее искажений) и нематериальных

факторов в формировании политической реальности. Все они, так или иначе, приходят к выводу, что для эффективного управления и достижения желаемых целей необходимо глубокое понимание того, как люди воспринимают мир, как формируются их мнения и как можно влиять на эти процессы. Именно для этой цели и были разработаны все технологии по продвижению стратегических нарративов, которые распространяются при помощи целой цепочки многочисленных организаций.

От теории к практике: информационное противоборство между Россией и Западом

Кроме американского взгляда на преимущества «мягкой силы» присутствует и критика вышеуказанных концепций. В частности, Н.В.Юдин констатирует двусмысленность определения как специфического типа силового поведения и как самостоятельного вида силы, а также ресурсоориентированность данной теории [12]. Методы Шарпа также становятся объектом критики. Например, А.О.Наумов, руководитель Центра изучения проблем «мягкой силы» и «цветных революций» факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова, заявил, что ненасильственные методы используются только «пока это выгодно», а как только преимущество переходит на сторону противников режима, допустимыми становятся и другие способы, включая «порчу имущества и захват территорий»³. В данном контексте действительно можно констатировать двойное назначение данных инструментов, ведь их конечная цель состоит в получении желаемых результатов при некоем допустимом уровне насилия – «умная сила» Ная как сочетание насилия с ненасилием [17], определенные методы Шарпа, включающие «ненасильственное овладение землей», «ненасильственные рейды-налеты» и «ненасильственное вторжение» [9]. Несмотря на содержание прилагательного «ненасильственный» в каждом из них, эти способы сами по себе предполагают некий уровень вмешательства, которое, в свою очередь, может не только спровоцировать оппонента применить насилие, но и стать поводом для умышленного применения силы с противостоящей политическому режиму стороны.

Тем не менее происходящая трансформация медийного пространства и цифровизация [1], в том числе переход политического дискурса в виртуальное пространство [4], делают названные выше инструменты неотъемлемой частью и ключевым механизмом когнитивной (информационно-психологической) войны. Рассматривая информационное противоборство между Россией и странами «коллективного Запада», уходящее своими корнями еще во времена холодной войны между США и СССР, следует обратить внимание на приоритетное значение СМИ и их роль в воздействии на общественность.

³ Таинственный мистер Шарп. Как американский ученый написал книгу, ставшую инструкцией для цветных революций по всему миру // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/03/06/sharp/>.

До недавнего времени отмечался успех антироссийской политики, проводимой в западных странах, особенно Западной Европы и ЕС в целом. Это достигалось за счет использования целого ряда технологий и стратегий, позволяющих устранить «российский голос» в европейском медиадискурсе. Наиболее частым нарративом, изначально содержащим в себе негативную коннотацию и использующимся большинством западных обозревателей и СМИ в отношении российских медиаресурсов, является дезинформация [20]. Многочисленные организации и фонды ведут свою деятельность по отслеживанию и противодействию любым проявлениям альтернативной западной точки зрения.

Здесь на общем фоне выделяется EUvsDisinfo (Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям), созданная ЕС ради «противостояния дезинформационным кампаниям, проводимыми Россией». В 2020 г. на это государственное учреждение Еврокомиссия выделила €4 млн⁴, что говорит о повышенном внимании европейских политиков к распространению российских нарративов в западном публичном дискурсе. На вышеуказанном ресурсе регулярно публикуются материалы антироссийского характера с прозападными нарративами, например, «Кремль вовсе не стремится к миру», «Спектакль на День Победы», «Переписывание истории» и т.д. Там же содержится и база данных «случаев дезинформации в прокремлевских изданиях», что представляет собой попытку «разоблачить частичное, искаженное или ложное изображение реальности»⁵. Небезынтересным представляется тот факт, что веб-сайт доступен на 12 различных языках, в том числе русском, что говорит о возможном намерении воздействовать и на российскую аудиторию, которое обречено на неудачу ввиду блокировки сайта в РФ⁶.

Российские нарративы и западный дискурс

Как уже отмечалось ранее, российские нарративы являются объектом пристального внимания со стороны западных, в особенности европейских, государств. В данном контексте стоит также отметить популярность данной темы в западном академическом дискурсе ввиду наличия множества исследований, посвященных ей [13-15; 18; 20]. Часть из этих исследований опирается на базу данных EUvsDisinfo [14], другие фокусируются на анализе профессиональных медиа [20] и хештегов в социальных сетях [15]. Каждая из представленных работ преследует разные цели, но содержит определенные негативные коннотации в отношении российских нарративов – чаще всего они называются просто «дезинформацией» [13-15], хотя некоторые исследователи признают, что «тесно взаимосвязаны, но не идентичны» [20]. В то же время существуют отдельные исследования, выполненные при финансовой поддержке некоммерческих организаций (НКО), являющихся частью

⁴ В ЕК рассказали о тратах на борьбу с российской «дезинформацией» // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/3015366>.

⁵ Conclusions – 19 and 20 March 2015 // Council of the European Union. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11-2015-INIT/en/pdf>.

⁶ Сайт euvsdisinfo.eu заблокирован в России решением Роскомнадзора 04.10.2022.

общей структуры «глубинной власти». Так, исследование М.Бокши и др. [13] было профинансировано и издано Германским фондом Маршалла Соединенных Штатов (GMF)*⁷, признанным в 2018 г. нежелательной организацией в Российской Федерации. Это доказывает непосредственное участие иных организаций в формировании западного академического дискурса, что делает необходимым тщательное применение процедур проверки фактов при изучении данных материалов.

Основные российские нарративы, представленные в ранее указанных исследованиях [13; 20], включают в себя такие, как «Русский мир», «западная русофобия», «общеславянский народ» и др. Авторы характеризуют их как «империалистические», «историко-ревизионистские», «ложные или вводящие в заблуждение» [13–15; 20]. Все это подкрепляет негативное представление о российских медиаресурсах, которые изображаются как главный источник неправдивой и заведомо ложной информации.

Однако следует отметить появление новых, «косвенных» российских нарративов, которые стали активно распространяться после инаугурации 47-го президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа, произошедшей в январе текущего года. Во время своей предвыборной кампании Трамп делал множество заявлений, включая широко известное обещание завершить украинский конфликт в течение суток после вступления в должность⁸. Несмотря на тот факт, что впоследствии это обещание так и не было исполнено, с приходом во власть нового американского лидера начался переговорный процесс между Россией и Украиной, что ознаменовало определенный прорыв информационной и политической изоляции со стороны западного мира. Трамп неоднократно делал противоречивые, с точки зрения западных аналитиков, заявления, называя Путина «очень умным и хитрым человеком»⁹, а также открыто признавшись в «любви к русскому народу»¹⁰. Все эти заявления получили широкое распространение в СМИ и стали четким отражением смены внешнеполитического курса Америки, неся в себе достаточно положительную коннотацию о России и ее лидере. Это явно контрастирует с привычным портретом, который все это время «рисовали» западные медиа. Поэтому неудивительно, что многие глобалистские ресурсы отреагировали на это негативно и обвинили президента США в том, что он «говорит американцам то, что хочет услышать Путин»¹¹. Однако сложившаяся благоприятная атмосфера «относительного доверия между Москвой и Вашингтоном»¹² позволяет российским нарративам фактически

7 Германский фонд Маршалла США включен в перечень иностранных НКО Министерством юстиции Российской Федерации.

8 Трамп пообещал решить украинский конфликт за сутки // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63d360439a7947779b610d1a>.

9 Трамп назвал Путина очень умным // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250226/putin-2001815677.html>.

10 Трамп признался, что любит русский народ и не хочет вводить санкции // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/01/24/trump-priznalsia-chto-liubit-russkij-narod-i-ne-hochet-vvodit-sankcii.html>.

11 Trump Tells Americans What Putin Wants Them to Hear // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/features/2025-trump-putin-policy/>.

12 Диалог Путина и Трампа решает стратегическую проблему // Взгляд. URL: <https://vz.ru/opinions/2025/6/5/1336796.html>.

беспрепятственно, пусть и, вероятнее всего, временно, проникать в западное медиаполе через уста первого лица США.

Другим событием, серьезно повлиявшим на популяризацию российских нарративов в западном обществе, стала состоявшаяся в марте 2025 г. 97-я церемония вручения кинопремии «Оскар 2025». Триумфальную победу завоевал фильм «Анора», ставший лауреатом в наибольшем количестве номинаций, включая «Лучший фильм года»¹³. В снятом американским режиссером Шоном Бейкером фильме принимало участие множество актеров из России, в числе которых были исполнивший главную роль Марк Эйдельштейн, а также Юра Борисов, ставший первым российским актером, номинированным на «Оскар». Несмотря на появление российских актеров на главных экранах всего мира, данное событие вызвало дискуссию в российском обществе о том, следует ли считать это «победой или позором России»¹⁴, в то время как глобалистские медиаплатформы распространяли нарративы о «радости государственных пропагандистов»¹⁵ и о том, что это событие «в Москве восприняли как национальную победу» и «возвращение страны на мировую сцену»¹⁶.

Как отмечает А.И.Соловьев, уровень институциональной поддержки при использовании «идеологизированных аппаратов» (киноиндустрии, театрального и художественного искусства, системы образования и др.) способен побудить достаточное количество людей переформулировать свою идентичность и интересы [8]. Это, в свою очередь, свидетельствует о важной роли киноиндустрии в части формирования представления об окружающем мире и его объектах, что действительно позволяет рассматривать победу фильма с участием российских актеров в общественно значимом событии мирового масштаба как положительного для внешнего образа России. Однако сам сюжет фильма, представляющий собой смесь стереотипов о российских олигархах и бандитах, не дает в полной мере оценить это произведение как успех России на мировой арене и делает его противоречивым.

Блокировки ресурсов и сеть распространения

Блокировки российских медиаресурсов часто происходят в западном политическом пространстве. Иницируются они под эгидой «борьбы с пропагандой и дезинформацией», однако факт цензуры российских СМИ остается фактом¹⁷. Наиболее

13 The 97th Academy Awards 2025 // Академия кинематографических искусств и наук. URL: <https://www.oscars.org/oscars/ceremonies/2025>.

14 Победа или позор России? О чем фильм «Анора», победивший на «Оскаре» // NEWS.ru. URL: <https://news.ru/culture/pobeda-ili-pozor-rossii-o-chem-film-anora-pobedivshij-na-oskare>.

15 Russian state propagandists overjoyed at Anora's Oscar triumph // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/film/2025/mar/03/anora-oscar-triumph-russian-state-propagandists-overjoyed>.

16 I Loved 'Anora,' but I Still Hope It Loses at the Oscars // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2025/02/27/opinion/anora-oscars-russian-propaganda.html>.

17 Репрессии в отношении российских медиа, СМИ и журналистов за рубежом // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/repressions/.

важным здесь предстают ограничения ЕС и США против российских информационных агентств Sputnik и RT, в то время как блокировка последнего в Соединенных Штатах в сентябре 2024 г. была сопряжена с отдельным судебным делом¹⁸. В частности, в деле выдвигаются обвинения о спонсировании RT консервативных американских блогеров через подставные компании и юридические лица. Ответом главного редактора Маргариты Симоньян стало заявление о «паранойе западных СМИ» и что «блогеры, конечно, все отрицают»¹⁹.

Были и другие обвинения со стороны западных аналитиков и обозревателей. В 2022 г., сразу после блокировки телеканала в ЕС, Симоньян заявила, что «ни один сотрудник ни в одной стране не будет сокращен»²⁰. Также она неоднократно косвенно подтверждала наличие «скрытой сети» медиа и новостных ресурсов, позволяющих успешно обходить блокировки и продолжать распространение российских нарративов даже там, где этому препятствуют. Западные исследователи также подтверждают наличие такой скрытой системы по распространению российских нарративов [13; 14], в том числе посредством ботов в социальных сетях [15].

Такая скрытая сеть включает в себя, согласно М.Бокше и др. [13], несколько ступеней «пирамиды амплификации», сверху вниз – от меньшего количества аудитории к большему: государственные медиа, задающие тон обсуждению и выделяющие вопросы для дальнейшего обсуждения «по ступеням»; «дружелюбные голоса» – аналитики, эксперты или иностранные политики, публично подтверждающие российские нарративы и придающие им большую убедительность; «дезинформационные сайты», которые использует более жесткие формулировки и внедряют в нарративы «расизм и ксенофобию»; группы в социальных сетях, часто берущие новости с «дезинформационных сайтов» и делящиеся ими на медиаплатформах; пользователи, тролли и боты в социальных сетях – усиливают охват «ложной информации».

Следует отметить, что исследование основано на несколько устаревших данных, когда, например, RT и Sputnik еще не были заблокированы в странах ЕС. За это время медиаресурсы успели эволюционировать, и теперь их еще сложнее обнаружить²¹. Поэтому представляется возможным констатировать, что продвижение российских нарративов включает в себя как открытые, так и скрытые каналы распространения.

18 Two RT Employees Indicted for Covertly Funding and Directing U.S. Company that Published Thousands of Videos in Furtherance of Russian Interests // U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/opa/media/1366266>.

19 Все западные СМИ зашлись в приступе паранойи // Маргарита Симоньян. Telegram. URL: <https://t.me/margaritasimonyan/14213>.

20 Симоньян о решении запретить работу RT и Sputnik в ЕС // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/968866-rt-evropa-zapret>.

21 За три года RT создал целую сеть тайных проектов, чтобы обходить запреты // Маргарита Симоньян. Telegram. URL: <https://t.me/margaritasimonyan/14736>.

Выводы

Технологии «мягкой силы», разработанные американскими учеными в течение прошлого столетия, нашли свое обширное применение в информационной войне. Российские нарративы получили «второе дыхание» после начала 2025 г., однако их распространение началось задолго до этого. Множество событий способствовали их продвижению в западном публичном дискурсе, что позволяет говорить об успехе России в этом отношении. Тем не менее данное достижение может быть обусловлено стечением обстоятельств и являться временным.

Несмотря на это, обширные и отлаженные сети по распространению российских нарративов могут помочь зафиксировать этот результат. Ни всевозможные блокировки со стороны западных правительств, ни попытки глобалистских и европейских СМИ дискредитировать RT и Sputnik в глазах западного обывателя – все вышеперечисленное смогло лишь замедлить, но не окончательно остановить «экспансию» российских нарративов. В то время как меры противодействия укрепляются, технологии по распространению информации также эволюционируют. А это означает, что при инвестировании в разработку таких технологий и их применении у России есть шанс закрепить и даже приумножить свои достижения в информационном поле.

Таким образом, механизмы и стратегии проникновения российских нарративов опираются на многоуровневую систему различных медиаплатформ, задействуя социальные сети для повышения охватов. Благодаря этому продвигаемые нарративы получают широкое распространение в западном публичном дискурсе, что позволяет говорить об эффективном применении инструментов «мягкой силы».

Список литературы

1. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Цифровизация и когнитивные войны [Digitalization and Cognitive Wars] // Философия и общество. 2021. № 4(101). С. 39–51. <https://doi.org/10.30884/jfo/2021.04.02>.
2. Ермакова М.С. Американская школа исследований информационных войн [American School of Information Wars Studies] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14. № 1. С. 117–138.
3. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля [Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field]: монография / отв. ред. И.С.Семенов; ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. 512 с.
4. Коньков А.Е. Политический дискурс в условиях расширения цифрового пространства [Political Discourse in the Context of the Expansion of the Digital Space] // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14–1. С. 119–121.
5. Липпман У. Общественное мнение [Public Opinion]. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
6. Най Д. Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером [Soft Power. How I Argued with Brzezinski and Kissinger]. М.: Родина, 2023. 256 с.
7. Новиков О.Г., Филиппов А.Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием [Mechanisms for Manipulating Public Consciousness] // Власть. 2024. Т. 32. № 3. С. 94–100. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-3-94-100>.
8. Соловьев А.И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных

- политик [Narratives in the Area of Power. The Possibilities and Limits of Narrative Politics] // Политическая наука. 2025. № 2. С. 18–40. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>.
9. Шарп Дж. 198 методов ненасильственных действий [198 Methods of Nonviolent Action] // Философские науки. 1990. № 12. С. 33–40.
 10. Шарп Дж. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения политических и этических конфликтов [Nonviolent Struggle: a Better Means of Resolving Acute Political and Ethical Conflicts] // Философские науки. 1990. № 11. С. 78–83.
 11. Шиловский С. Гибридная война «Deep State» против России [Hybrid War of Deep State against Russia] // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6–1. С. 375–379.
 12. Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «Мягкую силу». Критический анализ монографии Дж.Ная «Будущее власти» [Hard Look at Soft Power: Critical Reflections on ‘The Future of Power’ by Joseph S.Nye] // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 134–163.
 13. Bokša M. et al. Russian Information Warfare in Central and Eastern Europe: Strategies, impact, countermeasures // Rethink.CEE Policy Paper. 2019. № 15. P. 1–26. URL: https://www.researchgate.net/publication/350090507_Russian_Information_Warfare_in_Central_and_Eastern_Europe_Strategies_impact_countermeasures.
 14. Cristina M. Arribas et al. Information manipulation and historical revisionism: Russian disinformation and foreign interference through manipulated history-based narratives // Open Research Europe. 2023. № 3. <https://doi.org/10.12688/openreseurope.16087.1>.
 15. Marigliano R. et. al. Analyzing digital propaganda and conflict rhetoric: a study on Russia’s bot-driven campaigns and counter-narratives during the Ukraine crisis // Social Network and Analysis Mining. 2024. Vol. 14, article number 170. <https://doi.org/10.1007/s13278-024-01322-w>.
 16. Nye J. Bound to Lead. New York, 1990. 260 p.
 17. Nye J. Soft power: means to success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p.
 18. Roselle L. et al. Strategic narrative: a new means to understand soft power // Media, War & Conflict. 2014. Vol. 7. № 1. P. 70–84. <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>.
 19. Sharp G. From dictatorship to democracy. East Boston, 2010. 112 p.
 20. Tolz V., Hutchings, S. Truth with a Z: disinformation, war in Ukraine, and Russia’s contradictory discourse of imperial identity // Post-Soviet Affairs. 2023. № 39(5). P. 347–365. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2202581>.

Информация об авторе

ДЕРЕМЯН Николай Михайлович. Студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. <https://orcid.org/0009-0009-9626-8557>. Адрес: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49. nderemyan@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. Digitalization and Cognitive Wars. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2021; 4(101):39–51 [In Russian]. <https://doi.org/10.30884/jflo/2021.04.02>.
2. Ermikova M.S. American School of Information Wars Studies. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [POLITEX: Political Expertise]. 2018; 14(1):117–138 [In Russian].
3. Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field: monograph / Ed. by Irina Semenenko; Primakov National Research. Institute of World Economy and International Relations RAS (IMEMO). Moscow: Izdatelstvo VES MIR [Publishing House “All the World”], 2023. 512 p. [In Russian].
4. Konkov A.E. Political Discourse in the Context of the Expansion of the Digital Space. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Prospects of Development]. 2019; 14–1:119–121 [In Russian].
5. Lippman W. Public Opinion. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie» [Institute of Public Opinion Foundation], 2004 [In Russian].
6. Nye J. Soft Power. How I Argued with Brzezinski and Kissinger. Moscow: Rodina [Motherland], 2023. 256 p. [In Russian].
7. Novikov O.G., Philippov A.R. Mechanisms for Manipulating Public Consciousness. *Vlast’* [Power]. 2024; 32(3):94–100 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-3-94-100>.
8. Soloviev A. I. Narratives in the Area of Power. The Possibilities and Limits of Narrative Politics. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2025; 2:18–40 [In Russian]. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>.
9. Sharp G. 198 Methods of Nonviolent Action. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. 1990; 12:33–40 [In Russian].
10. Sharp G. Nonviolent Struggle: a Better Means of Resolving Acute Political and Ethical Conflicts. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. 1990; 11:78–83 [In Russian].
11. Shilovskiy S. Hybrid War of Deep State against Russia. *Bol’shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost’, sotrudnichestvo* [Great Eurasia: Development, Security, Cooperation]. 2023; 6–1:375–379 [In Russian].
12. Yudin N.V. Hard Look at Soft Power: Critical Reflections on ‘The Future of Power’ by Joseph S.Nye. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University, Ser. 25. International Relations and World Politics]. 2014; 2:134–163 [In Russian].
13. Bokša M. et al. Russian Information Warfare in Central and Eastern Europe: Strategies, impact, countermeasures. *Rethink.CEE Policy Paper*. 2019; 15:1–26 [In English]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/350090507_Russian_Information_Warfare_in_Central_and_Eastern_Europe_Strategies_impact_countermeasures.
14. Cristina M. Arribas et al. Information manipulation and historical revisionism: Russian disinformation and foreign interference through manipulated history-based narratives. *Open Research Europe*. 2023; 3 [In English].
15. Marigliano R. et. al. Analyzing digital propaganda and conflict rhetoric: a study on Russia’s bot-driven campaigns and counter-narratives during the Ukraine crisis. *Social Network and Analysis Mining*. 2024; 14(170) [In English]. <https://doi.org/10.1007/s13278-024-01322-w>.
16. Nye J. Bound to Lead. New York, 1990. 260 p. [In English].
17. Nye J. Soft power: means to success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p. [In English].
18. Roselle L. et al. Strategic narrative: a new means to understand soft power. *Media, War & Conflict*. 2014; 7(1):70–84 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>.
19. Sharp G. From dictatorship to democracy. East Boston, 2010. 112 p. [In English].
20. Tolz V., Hutchings, S. Truth with a Z: disinformation, war in Ukraine, and Russia’s contradictory discourse of imperial identity. *Post-Soviet Affairs*. 2023. 39(5):347–365 [In English]. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2202581>.

About the author

Nikolai M. DEREMIAN. Student of the Financial University under the Government of the Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0009-9626-8557>. Address: 49, Leningradsky Ave, Moscow, 125993, Russian Federation. nderemyan@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 4, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.